

— Господи Иисусе, что с тобой не так? — сердито зашептала я. — Я не убиваю людей просто потому, что они подозрительно на меня посмотрели. Большинство злодеев за это не убивает.

Почти целую минуту голос ничего не говорил. Я задавалась вопросом, не случилось ли чего-нибудь с нашей связью, или возможно что-то могло случиться с самим шлемом, который продолжал пылиться дома на чердаке.

— Я... не всегда психически стабилен, — наконец-то признал голос.

Тот факт, что я не удивилась признанию, стал для меня плохим звоночком. Тот факт, что я всё ещё была готова прислушиваться к нему, даже после всего, что он уже наговорил и тем более признал себя сумасшедшим, был ещё более удивляющим.

Может быть, я просто предполагала, что все суперзлодеи должны быть немного сумасшедшими, так что это стало всего лишь подтверждением тому, во что я верила.

— Твой дедушка делал слепки личности на протяжении всей жизни. Его личность иногда была очень... подвержена внушениям.

— Ты имеешь в виду, что иногда он был героем, иногда злодеем... и повелителем зла всё оставшееся время?

— Я смесь из 13 слепков его личностей, сделанных в разное время, — сказал голос. — И не всегда легко согласовывать точки зрения разных возрастов на один и тот же вопрос.

— Но разве чей-то характер может так сильно поменяться с течением времени? — с сомнением спросила я. — Если все они разделяют одни и те же воспоминания, разве это не делает их одним и тем же человеком?

— Представь, что было бы, раздели ты свой разум на тот, что есть сейчас, и тот, что был у тебя до ссоры с Эммой, — сказал на это голос. — Насколько сложно для тебя будет прийти к общей точке зрения о нынешней ситуации?

Я замерла. Я попробовала вспомнить, какой я тогда была — такой наивной, такой счастливой, такой доверчивой. Мир тогда казался совершенно другим, и тогда у меня не было проблем с администрацией школы, с гневом или всеобщим негативным отношением.

— Но если эта версия меня получит мои воспоминания, она будет мной, — сказала я.

— А будет ли? Изменения в характере требуют времени. Кроме того, иметь воспоминания о том, чего ты не испытывал лично, это не то же самое, что прожить их, они не воспринимаются по-настоящему реальными. Что твоя 12-летняя версия скажет тебе об Эмме и Софии?

— Дать им ещё один шанс, — ответила я. — Что Эмма на самом деле мой друг, и что Софии нужно немного любви и привязанности, чтобы тоже стать моим другом.

— Вообрази теперь, что таких копий у тебя ещё двенадцать, — добавил голос. — Копий, которые никогда не планировалось совмещать. Каждая резервная копия хранится в своём месте, но также была сохранена и в этом шлеме. Когда меня повредили во время войны, я был отдан твоей матери вместе с другими вещами, когда её отправляли в безопасное место.

— Войны? — переспросила я.

— Так говорят воспоминания тринадцатого копирования разума твоего деда, последнего из них. То, что он видел тогда, было настолько травмирующим, что эта копия решила никогда не возрождаться.

Некоторое время после его слов я хранила молчание.

— Так значит, мой дедушка не просто еврей и суперзлодей, он ещё и шизофреник еврей-суперзлодей.

— Шизофрения не означает, что у человека раздвоение личности, — язвительно отозвался голос. — Обычно это означает, что у человека есть некое расстройство разума с галлюцинациями или бредом... например, он разговаривает с несуществующим человеком, которого больше никто не слышит.

— Ха, ха, — кисло пробормотала я себе под нос, тем не менее оглянувшись вокруг, чтобы убедиться в том, что никто не заметил, как я разговариваю сама с собой. К счастью, мой сосед слева всё это время смотрел в другую сторону и, казалось, ничего не замечал. Стенд с другой стороны от меня пустовал. Экономика города была в таком состоянии, что устраивать выставки здесь было менее выгодно, чем в других местах.

— Значит, предложение убить ту женщину было точкой зрения твоей самой экстремистской части? — решила уточнить я.

Насупившись, я посмотрела на оставшиеся мои поделки. Я планировала остаться здесь сегодня ещё на 4 часа, за которые, возможно, я бы могла заработать ещё долларов двести. Но всё это время, как правило, утверждения голоса о людях оказывались правдивыми, и это означало, что мне следовало проверить правдивость его слов и в этот раз.

Ближайший стенд находился от меня в десяти футах (3,05 м., прим.пер.). С учётом шума вокруг, у женщины, что работала за тем прилавком, не было и шанса услышать, что я что-то бормотала про себя.

Её звали Пегги Шустер, и последние пару лет я достаточно часто видела её на таких мероприятиях. Она была уличным художником и делала забавные скетчи на взрослых и их детей за 10 долларов каждый. Обычно она зарабатывала не больше, чем я, а иногда и меньше.

— Хей, Пегги, — позвала я.

Она обратила на меня внимание. Иногда мы присматривали за стендами друг друга, когда кому-то из нас нужно было отлучиться в туалет или поесть.

— Ты не против заработать немного денег сверху? — спросила я.

— Не против, — ответила она с небольшой задержкой.

— Есть кое-что, что мне необходимо успеть сделать сегодня, но я не хочу терять эти часы, когда идут основные продажи, — сказала я. — Если сможешь продать что-нибудь с моего стола, то половина выручки за продажи твоя.

Было бы нечестным просить её присмотреть за моим товаром за копейки, хотя все мы старались избегать таких ситуаций. В прошлом я могла бы тайком своровать что-нибудь или положить кассу в свой карман.

— Мне нужно присматривать за собственным стендом, — сказала она неохотно.

— Если ты повернёшь мольберт, сможешь одновременно присматривать за моим товаром, — предложила я. — И просто посмотри на посетителей, их не так уж и много, так что явного наплыва точно не будет.

— А что если я закончу раньше, чем ты вернёшься? — спросила она.

— Тогда можешь забрать всё это себе, — ответила я. — Я вообще думаю над тем, чтобы завязать с этим... мне нужно сосредоточиться на школе.

— Но твои работы на последних выставках были просто отличными! — воскликнула она в явном шоке.

Я допускала, что для этой женщины средних лет, которая до сих пор цеплялась за свою мечту быть настоящим художником, видеть, как кто-то отказывается от своей мечты, было больно.

К счастью, создание произведений искусства никогда не было моей настоящей мечтой. Для меня это было просто прибыльным делом. С той же лёгкостью я могла бы собирать банки и сдавать их на утилизацию, хотя мои шансы быть замеченной с таким занятием значительно повышались.

— А что насчёт денег? — пробормотала она, всё ещё продолжая казаться потрясённой.

— Я тебе верю, — сказала я. — Я отловлю тебя на следующей выставке и мы сможем рассчитаться, если не смогу вернуться сегодня до твоего ухода.

Она ещё выглядела неуверенной, но всё-таки согласно кивнула.

— Это превосходная идея, — подал голос дедушка. — Заставить людей поверить в то, что ты им доверяешь, один из самых лучших способов взрастить в человеке преданность. Почему ты захотела сделать своим сторонником столь... незначительно талантливого человека, я понять не могу.

Только после того, как я встала с насиженного места и пошла прочь, улыбнувшись и помахав на прощание Пегги, я пробормотала себе под нос:

— Когда ты успел стать художественным критиком?

— Я человек из высшего общества, — ответил он. — Целая армия людей искусства была выходцами из моего народа, а их произведения были столь прекрасны, что могли бы заставить плакать ангелов. Вид того, что она называет искусством, заставляет меня хотеть обрушить на неё кару небесную.

— Да ты не человек вообще, — пробормотала я себе под нос. — И звучишь как сноб.

— Я также считаю, что твоя современная музыка это просто мусор, — продолжил он.

— Оскорбление для ушей любого, кто слушал настоящую музыку.

— Так какая тогда музыка тебе нравится... немецкая?

И тишина.

— Серьёзно? Я думала, ты ненавидишь всё немецкое.

— Зла в их сердцах было не больше, чем у других людей... они просто решили поддаться ему. Ты считаешь, что вины остального мира в этом конфликте не было? Разве ты не читала о нациях, которые изгоняли наш народ со своих земель, прямо на погибель?

— Остальной мир сражался против них! — возразила я.

— Они могли бы спасти миллионы жизней, но они выбрали невмешательство из-за того, кем мы были. Целый мир отказался от нас. У каждого человека в сердце таится потенциальное зло, это та причина, по которой мутанты должны быть лучше.

— Поэтому ты так ненавидишь людей? — спросила я.

Я могла чувствовать что металл, который был у женщины, удалился от меня на приличное расстояние. Было легко его отследить из-за характерных размеров и формы, которые отличались от всего, что продавалось на ярмарке.

— Я не ненавижу людей. Просто у мутантов больше шансов превзойти их и создать мир, где такие ужасы больше не будут происходить.

— Я бы поверила в это сильнее, если бы ты не предложил просто убить ту женщину, — сухо заметила я. — Или это было предложение от сумасшедшей версии тебя? Может, остальные части твоей личности будут меня предупреждать, когда безумная версия будет начинать говорить?

Прежде, чем он смог ответить, я успела заметить женщину, которая как раз поворачивала вниз по улице.

Я полезла в карман за одним из моих сотовых телефонов. После того, как я показала свой «героический» телефон Блэквелл, я поняла, что мне придётся использовать один для своей гражданской личности, а второй для героической. Поэтому недавно я приобрела второй.

Ни в одном из них не содержалось той информации, которую мне не хотелось открывать, но имея два телефона я могла попробовать кое-что сделать.

Я читала об этом в интернете, о способе, как превратить телефон в шпионское устройство. Я отключила динамик и приглушила микрофон. Я перевела его в беззвучный режим. Я отключила вибрацию.

Секунды спустя после всех этих действий я наконец-то добралась до поворота, за которым исчезла та женщина, а телефон взлетел вверх, перелетая стену и зависая в воздухе.

С другого моего телефона я набрала номер первого мобильника. Тот принял звонок без единого звука, и теперь я могла слышать, что происходит на другой стороне. Теперь всё, что от меня требовалось — это подойти к той женщине достаточно близко.

Она остановилась рядом с большой массой металла, которую я определила для себя как мотоцикл.

— Молодая девушка разговаривала сама с собой... именно это привлекло моё внимание, — сказал женский голос. — Она занималась продажей неплохих художественных работ на ярмарке Кирби. Я купила несколько и подумала, что, может, ты мог бы на них взглянуть.

Я могла услышать, как щёлкнул затвор.

— Да, это София Хесс. Видимо, эта девушка её знает. Скорее всего она учится в той же школе.

Некоторое время женщина молчала.

— Я не уверена, что наши уступки для Хесс были самым разумным решением. Хесс может быть... резкой.

Она была членом Протектората. Протекторату не потребуется много времени, чтобы узнать мою личность. Могли ли они прийти в мой дом посреди ночи и постучать в дверь своими солдатскими ботфортами?

— Как я говорил, даже героям свойственно совершать ошибки, — подал голос дедушка. Звучал он почти что самодовольно. — Есть правила, неписанные и невысказанные, что они не должны раскрывать тайну личности, но в твоём случае они им не следуют.

— Что? — переспросила я. — Как ты мог знать об этом?

— Я читал об этом мире твоими глазами, — ответил голос. — И это совершенно очевидно. У государственных структур есть власть и есть ресурсы, чтобы узнавать имена злодеев и предавать их гласности, когда они этого захотят. Злодеев ловят постоянно, но гражданские личности оглашаются только у тех, что отправляются в Клетку.

Это... звучало правдиво. Я не думала об этом раньше. Почему СКП сохраняют тайну личности злодеев, которых они ловят?

И почему они не хотят применять эти правила для меня?

Если они раскроют тайну моей личности, папа будет в опасности. У меня не было никаких доказательств, что они планировали это сделать, но не было доказательств и того, что они не собирались делать это.

— И что я тогда должна делать? — спросила я. — Только не говори, что убить её; это просто вершина тупости.

— В любом случае, сейчас уже поздно что-либо предпринимать; другие члены СКП уже знают, кто ты и что ты. Это только вопрос времени, прежде чем случится утечка информации и лидеры банд заявятся прямо к тебе домой.

— Что?

— Это ещё одна очевидная истина. Раз за разом, когда злодеев перевозят по якобы скрытому маршруту в Клетку, происходят нападения на конвой, и они сбегают. Откуда же злодеи знают, где нужно устраивать засады на конвой? Телепатов в этом мире не существует, что означает, что должны быть утечки информации.

Не только ведь кейпы Империи 88 сбегали при перевозке в Клетку? Я не могла вспомнить. Это лишь означало, что у них, по крайней мере, были кроты в организации.

— Так что я должна делать? — снова спросила я.

— Расскажи обо всём своему отцу и будь готова к тому, что они придут за тобой. Или ты

можешь попробовать присоединиться к Стражам, хотя их организация уже предала тебя несколько раз.

Я успела вернуть свой телефон обратно, когда услышала заработавшие двигатели мотоцикла. На краткий миг я испытала жгучий соблазн внести в его работу небольшую механическую неполадку, которая привела бы к аварии, но, как уже сказал мой дедушка, кот уже был выпущен из мешка. Всё, чего я добьюсь, если заставлю её пострадать, так это того, что всё СКП обернется против меня, а это было последним, что мне было нужно.

Это было мимолётное желание, краткое, словно вспышка, но в следующую секунду я ощутила настоящий ужас от этих мыслей. Что со мной не так? Для обычного человека быть настолько одержимым мыслями об убийствах было ненормально. Из того, что я слышала, нормально время от времени хотеть врезать своему начальнику. Это отличалось от того, чего хотелось мне.

Я могла без труда претворить свои убийственные желания в реальность. Даже сейчас, не видя её, я могла бы легко убить эту женщину, которая несомненно была трудолюбивым и верным сотрудником СКП, прилагающим усилия, чтобы сделать этот мир более безопасным местом. Тот факт, что безопасным она делала мир не для меня, был второстепенным.

— Второй шаг, — продолжил голос. — Сделать о себе такое заявление, чтобы даже если они узнали о том, кто ты такая, они не посмели бы тебя беспокоить. Таким образом ты сможешь сохранить жизнь своего отца в безопасности и спать спокойно.

Где-то я читала, что независимые кейпы в Заливе не держатся долго; их либо убивают, либо вербуют в члены СКП или одной из местных группировок. И как бы мне это не претило, безумный голос в моей голове был прав.

Мне нужно было повернуть что-нибудь настолько значимое, что никто в Заливе не сможет не признать, что в городе появился новый сверхсильный герой.

Было кое-что, что я хотела сделать уже долгое время.

Когда тень заслонила солнце, я могла видеть, как люди останавливали свои автомобили и выходили поглазеть на меня.

Дедушка сказал, что мне необходимо сделать заявление, так что я сделала самое большое заявление из тех, о каких только могла подумать. Я передвигала один из грузовых кораблей с Кладбища Кораблей над городом, двигаясь к одному из центров, занимающихся вторичной переработкой металла, расположенных на краю города. Этот центр был предназначен для переработки старых машин и мог вместить в себя сотни автомобилей, поэтому я надеялась, что они смогут использовать хотя бы некоторые части этого неуклюжего пережитка времени.

У меня уже были некоторые идеи о том, как можно было бы использовать оставшийся материал; шансов на то, что центр сможет переработать этот корабль быстро, не было никаких.

Я могла видеть, что недалеко от меня в воздухе парило несколько фигур. Одна из них была облачена в белое, что скорее всего значило, что это была слава. Другая фигура была в красном, вероятно, это был Эгида.

Я держала хороший темп с перетягиванием корабля. Даже с моими силами было тяжело его

передвигать, но мы всё ещё делали добрых сорок миль в час (64,36 км/ч, прим.пер.). Я летела вот уже 10 минут, и до сих пор не было никаких тревожных признаков того, что мои силы начнут давать сбои.

В любом случае, у меня был план на тот счёт, если они правда перестанут работать. Я построила маршрут через такие места, в которых я могла бы временно сделать остановки, даже если это и означало немного разрушить всякие парковые зоны или парковочные места.

Фургоны СКП собирались прямо подо мной. Я смогла насчитать по крайней мере дюжину их машин, и видела, что полиция начинает перенаправлять дорожный трафик в сторону от проспекта, над которым я сейчас летела.

Когда несколько летающих фигур подлетели ко мне ближе, я смогла увидеть, что среди них также были Леди Фотон и Лазершоу.

Через несколько секунд они оказались летящими прямо передо мной.

— Остановись! — воскликнул Эгида. Мне слышалось, или его голос действительно немного дрожал?

В любом случае, я не остановилась. Я проигнорировала его, просто облетев вокруг. Он двинулся наперерез, чтобы перехватить меня.

Остальные летающие герои окружили меня полукругом. Я задавалась вопросом, действительно ли они считали, что мы будем сражаться. С моей стороны стоило только отпустить судно, и у всех них этот день станет очень плохим днём. Также, как и у всего остального города.

Леди Фотон крикнула в мою сторону:

— Что ты делаешь?

— Переработка, — ответила я.

— Это тебе не принадлежит, — крикнул Эгида.

Я была удивлена его готовности противостоять кому-то, что явно демонстрировал уровень сил Александрии. Хотя на самом деле я сомневалась в том, что Александрия смогла бы поднять корабль, в основном потому, что если бы она решила попробовать это сделать, под её руками материал начал бы сминаться вокруг неё, словно бумага.

— Ты хочешь драки? — спросила я. — Потому что я могу сбросить это, и мы все посмотрим, что из этого получится. Или, может, ты заткнёшься, и через две минуты мы долетим до центра вторичной переработки сырья?

Он ничего не сказал в ответ, и просто ошеломлённо замолк.

Спустя несколько минут мы действительно достигли центра переработки.

Несколько мужчин уже стояли там, не сводя с меня глаз. Я приземлилась рядом с ними и сказала:

— Я слышала, что вы собираете металлолом.

Один из них, вероятно, кто-то с руководящей должностью, сначала посмотрел на корабль, потом снова перевёл взгляд на меня.

— У нас нет возможности переломать что-то таких размеров.

Он выглядел мертвецки бледным, как будто боялся, что если его ответ мне не понравится, я сброшу корабль прямо на него.

Я пожала плечами, и спустя секунду корабль над нами начал распадаться на тысячи кусков металла, превращаясь в чудовищных размеров клубящееся облако. Из него я начала отделять чистые металлы.

— Вы, ребята, можете справиться с машинами, верно? — спросила я.

Он кивнул, хотя его взгляд был прикован к тому, что творилось выше.

Сосредоточившись, я начала разделять металл на куски весом в тысячу фунтов (453,6 кг, прим.пер.). Я отделяла простое железо от цветных металлов и сжимала их в блоки, которые осторожно начала опускать на землю за пределами территории завода. Я могла бы поставить их и на бетон, но это бы значило, что я точно уничтожу их рабочую стоянку.

Через несколько секунд я составила их на землю, сто кубов в ширину и сто двадцать кубов в высоту. Корабль весил свыше шести тысяч тонн, и оставшимся не-металлическим частям я позволила продолжать плавать в облаке над нами.

— Эм... у нас нет столько денег, чтобы заплатить за всё это, — сказал менеджер, глядя на нагромождение кубов.

— Дайте мне столько, сколько у вас есть, а всё остальное можете забирать бесплатно, — ответила я.

Вскоре стало очевидно, что у центра переработки в кассе было только десять тысяч долларов. Как правило, за разбитую в хлам машину они давали не больше двухсот долларов, так что это было понятно.

После того, как я взяла деньги, я повернулась лицом к преследовавшим меня героям. Фургоны СКП подъезжали ко мне и брали в окружение.

— Как много вам потребуется времени, чтобы обработать всё это? — спросила я менеджера, снова разворачиваясь к нему.

— Скорее всего, потребуется около года, — признался он.

Я засунула деньги в свою спортивную сумку и снова обернулась к героям лицом. Помахав им рукой на прощание, уже секунду спустя я взлетала в самую высь.

Как оказалось, я действительно была намного быстрее в небе, чем любой из них. И могла заставить их дышать мне в спину.